

сознанию; в процессе образования для-себя-бытие становится для него *его собственным*, и оно приходит к сознанию, что оно само есть в себе и для себя. Оттого, что форма *выносится вовне*, она не становится для него чем-то другим, нежели оно само, ибо именно форма есть его чистое для-себя-бытие, которое становится тут для него истиной. Таким образом, в силу этого обретения себя вновь благодаря себе самому оно становится *собственным смыслом* именно в труде, в котором, казалось, заключался только *чужой смысл*. – Для этой рефлексии необходимы оба момента – страх и служба вообще, точно так же как и процесс образования, и в то же время оба момента необходимы [одинаково] общо. Без дисциплины службы и повиновения страх не идет дальше формального и не простирается на сознательную действительность наличного бытия. Без процесса образования страх остается внутренним и немым, а сознание не открывается себе самому. Если сознание формирует, не испытав первого абсолютного страха, то оно – только тщеславный собственный смысл; ибо его форма или негативность не есть негативность *в себе*, и его формирование не может поэтому сообщить ему сознание себя как сущности. Если оно испытало не абсолютный страх, а только некоторый испуг, но негативная сущность осталась для него чем-то внешним, его субстанция не прониклась ею насквозь. Так как не вся полнота его естественного сознания была поколеблена, то оно *в себе* принадлежит еще определенному бытию; собственный смысл (*der eigene Sinn*) есть *своенравие* (*Eigensinn*), свобода, которая остается еще внутри рабства. Сколь мало для такого сознания чистая форма может стать сущностью, столь же мало она, с точки зрения распространения на единичное, есть общий процесс образования, абсолютное понятие; она есть некоторая шноровка, которая овладевает (*mächtig ist*) лишь кое-чем, но не общей властью (*Macht*) и не всей предметной сущностью.

В. СВОБОДА САМОСОЗНАНИЯ; СТОИЦИЗМ, СКЕПТИЦИЗМ И НЕСЧАСТНОЕ СОЗНАНИЕ

[Введение. Достигнутая здесь ступень сознания; мышление.] – Для самостоятельного самосознания, с одной стороны, только чистая абстракция “я” составляет его сущность, а с другой стороны, так как эта абстракция формируется и сообщает себе различия, то это различие не становится для него предметной, *в-себе-сущей* сущностью; это самосознание не становится, следовательно, “я”, которое подлинно различает себя в своей простоте, или: остается равным себе в этом абсолютном различии. Напротив того, отгесненное обратно в себя сознание в процессе формирования в качестве формы образуемых вещей становится для [самого] себя предметом, и в то же время в господине оно как сознание созерцает для-себя-бытие. Но для служащего сознания как такового оба эти момента – *оно само* как самостоятельный предмет и этот

предмет как некоторое сознание и, следовательно, как его собственная сущность – распадаются. Но так как *для нас* и *в себе форма* и *для-себя-бытие* есть одно и то же, и в понятии самостоятельного сознания *в-себе-бытие* есть сознание, то та сторона *в-себе-бытия* или *вещности*, которая обрела форму в труде, не есть какая-либо иная субстанция, как только сознание, и нам обнаружилась некоторая новая форма самосознания: сознание, которое есть для себя сущность в бесконечности или в чистом движении сознания, – сознание, которое *мыслит* или есть свободное самосознание. Ибо *мыслить* значит быть для себя своим предметом не как *абстрактное “я”*, а как *“я”*, которое в то же время имеет значение *в-себе-бытия*, или: так относиться к предметной сущности, чтобы она имела значение *для-себя-бытия* того сознания, для которого она есть. – Для мышления предмет движется не в представлениях или образах, а в *понятиях*, т.е. в некотором различаемом *в-себе-бытии*, которое непосредственно для сознания от него же не отличается. *Представленное, оформленное, сущее* как таковое имеет форму бытия чего-то иного, нежели сознания; но понятие есть в то же время нечто *сущее*, – и это различие, поскольку оно в самом сознании, есть его определенное содержание, – но тем, что это содержание есть в то же время содержание, постигнутое в понятиях, сознание остается *непосредственно* сознающим свое единство с этим определенным и различным сущим; не так, как при представлении, когда сознание должно сперва еще особо вспомнить, что это *его* представление; а [так, что] понятие для меня – непосредственно *мое* понятие. В мышлении *я свободен*, потому что я нахожусь не в некотором другом, а просто не покидаю себя самого, и предмет, который для меня сущность, в неразрывном единстве есть мое для-меня-бытие; и мое движение в понятиях есть движение во мне самом. – Но в этом определении этой формы самосознания очень важно не упускать из виду того, что она есть *мыслящее* сознание *вообще* или что ее предмет есть *непосредственное* единство *в-себе-бытия* и *для-себя-бытия*. Одноименное сознание, отталкивающееся от себя самого, становится для себя *в-себе-сущей стихией*; но оно есть для себя эта стихия только лишь в качестве общей сущности, не в качестве данной предметной сущности в развитии и движении ее многообразного бытия.

[1. С т о и ц и з м.] – Это свобода самосознания, когда она выступила в истории духа как сознающее себя явление, была названа, как известно, *стоицизмом*. Его принцип состоит в том, что сознание есть мыслящая сущность и нечто обладает для него существенностью, или истинно и хорошо для него, лишь когда сознание ведет себя в нем как мыслящая сущность.

Многообразное, внутри себя различающееся распространение, разъединение и запутанность жизни есть предмет, на который направлена активность вожеления и труда. Это многообразное (*vielfache*) действие сжалось теперь в простое (*einfache*) различие, кото-

рое имеется в чистом движении мышления. Не то различие имеет больше существенности, которое выявляется как *определенная вещь*, или как *сознание определенного естественного наличного бытия*, как чувство, или как *вожделение и его цель*, – безразлично, ус-танавливается последняя *собственным* или *чужим сознанием*, – а единственно то различие, которое есть различие *мысленное* или ко-торое непосредственно от меня не отличимо. Это сознание, следова-тельно, негативно к отношению господства и рабства; его деятель-ность состоит в том, что в качестве господина оно не имеет своей исти-ны в рабе, а в качестве раба оно не имеет своей истины в воле гос-подина и служении ему, а как на троне, так и в цепях, во всякой зави-симости своего единичного наличного бытия оно свободно и сохра-няет за собой ту невозмутимость, которая из движения наличного бытия, из действия так же, как из испытывания действий, постоян-но удаляется в *простую существенность мысли*. Своенравие есть свобода, которая утверждается за единичностью и остается *внутри* рабства, тогда как стоицизм есть свобода, которая всегда исходит не-посредственно из себя и уходит обратно в *чистую всеобщность* мыс-ли и которая как всеобщая форма мирового духа могла выступить только в эпоху всеобщего страха и рабства, но и всеобщего образо-вания (Bildung), поднявшего процесс формирования (das Bilden) до мышления.

Хотя, далее, для стоического самосознания сущность есть не что-либо иное, чем оно, и не чистая абстракция “я”, а “я”, которому при-суще инобытие, но в качестве мысленного различия, так что оно в своем инобытии непосредственно возвращено в себя, – тем не менее эта его сущность есть в то же время лишь *абстрактная* сущность. Свобода самосознания *равнодушна* к естественному наличному бы-тию, потому и *ему точно так же предоставляет свободу*; и рефлекс-ия есть *двойная* рефлексия. Свобода мысли имеет лишь *чистую мысль* в качестве своей истины, которая лишена жизненного напол-нения; следовательно, эта свобода есть также лишь понятие свобо-ды, а не сама живая свобода; ибо лишь мышление вообще есть для нее сущность, форма как таковая, которая, покинув самостоятель-ность вещей, ушла обратно в себя. Но так как индивидуальность дей-ствия должна была показать себя живой, или мысль должна была ох-ватить живой мир как систему мысли, то в *самой мысли* для распро-странения действия должно было заключаться содержание того, что хорошо, а для распространения мышления – *содержание* того, что истинно, дабы в том, *что есть для сознания*, не было *решитель-но* никаких других ингредиентов, кроме понятия, которое и есть сущ-ность. Но в том виде, в каком понятие как *абстракция* отрывается здесь от многообразия вещей, оно не имеет *никакого содержания в самом себе*, а имеет только *некоторое данное* [ему] *содержание*. Соз-нание, мысль содержание, конечно, уничтожает его как некоторое чуждое бытие, но понятие есть *определенное* понятие, а эта *опреде-*

ленность его и есть то чуждое, которое имеется в нем. Стоицизм попал поэтому в затруднительное положение, когда перед ним возник вопрос, как выразались, о *критерии* истины вообще, т.е., собственно говоря, о *содержании самой мысли*. На обращенный к нему вопрос, что такое доброе и истинное, он в качестве ответа опять дает само бессодержательное мышление: в разумности, мол, должно состоять истинное и доброе. Но это равенство мышления себе самому опять-таки есть только чистая форма, в которой ничего не определяется; общие фразы об истинном и добром, о мудрости и добродетели⁸¹, от которых он не мог уйти, поэтому, хотя в общем и возвышенные, но так как на деле они не могут способствовать развитию содержания, то они скоро начинают надоедать.

Это мыслящее сознание в том виде, как оно определилось в качестве абстрактной свободы, есть, следовательно, лишь не доведенная до конца негация инобытия; *удалившись* из наличного бытия только в себя, оно тут не завершило себя в качестве абсолютной негации этого бытия. Содержание имеет для него значение, правда, только как мысль, но при этом также как мысль *определенная* и вместе с тем – определенность как таковая.

[2. С к е п т и ц и з м.] – *Скептицизм* есть реализация того, чего стоицизм есть только понятие, и действительный опыт того, что такое свобода мысли; она есть *в себе* негативное и должна проявить себя таким именно образом. С рефлексией самосознания в простую мысль о себе самом, вопреки этой рефлексии, из бесконечности на деле выпало самостоятельное наличное бытие или постоянная определенность; в скептицизме теперь *для сознания* обнаруживается полная несущественность и несамостоятельность этого “иного”; мысль становится всепоглощающим мышлением, уничтожающим бытие *многообразно определенного* мира, а негативность свободного самосознания обнаруживает себя в этом многостороннем формообразовании жизни как реальная негативность. – Из этого явствует, что подобно тому как стоицизм соответствует *понятию самостоятельного* сознания, выступавшего в виде отношения господства и рабства, так скептицизм соответствует *реализации* его, как негативного направления на инобытие, вожделению и труду. Но если вожделение и труд не могли выполнить негацию для самосознания, то, напротив, это полемическое направление против многообразной самостоятельности вещей увенчается успехом, потому что оно обращается против нее как свободное самосознание, еще раньше заверщенное внутри себя; говоря определеннее – потому что в самом этом направлении есть *мышление* или бесконечность и самостоятельные элементы здесь со стороны их различия являются для него только исчезающими величинами. Различия, которые в чистом мышлении о себе самом суть только абстракция различий, становятся здесь *всякими* различиями, и всякое различное бытие становится различием самосознания.

Этим определилась *деятельность скептицизма вообще и образ его действия*. Скептицизм показывает *диалектическое* движение, которое есть чувственная достоверность, восприятие и рассудок; точно так же он показывает и несущественность того, что в отношениях господства и служения и для самого абстрактного мышления считается *определенным*. Названное отношение включает в себя в то же время некоторый *определенный способ* наличия также нравственных законов как заповедей господства; определения же в абстрактном мышлении суть понятия науки, в которую разрастается бессодержательное мышление, связывая понятие – на деле лишь внешним образом – с самостоятельным для него бытием, составляющим его содержание, и придавая значение лишь *определенным* понятиям, хотя бы они и были чистыми абстракциями.

Диалектическое как движение негативное, взятое в его непосредственном *бытии*, кажется сознанию прежде всего чем-то, чему оно принесено в жертву и что не обязано бытием ему самому. Напротив того, в качестве *скептицизма* негативное движение есть момент самосознания, с которым не так *обстоит*, что его истинное и реальное исчезает для него неведомо как, а оно само, обладая достоверностью своей свободы, позволяет исчезнуть этому другому, выдающему себя за реальное, – не только предметному как таковому, но и своему собственному отношению к нему, в котором оно считается предметным и проявляется таковым, а следовательно, также своему *восприятию*, равно как и *укреплению* того, что оно рискует потерять, [т.е.] *софистике* и своему *истинному*, из себя *определенному* и *утвержденному*. Благодаря этой сознающей себя негации самосознание приобретает для *самого себя достоверность своей свободы*, испытывает ее и тем самым возвышает ее до *истины*. Исчезает же “определенное” или различие, которое, каким бы образом и откуда бы оно ни было, выставляется как различие неизблемое и неизменное. В этом различии нет ничего постоянного, и оно *должно* исчезнуть для мышления, потому что различаемое именно в том и состоит, что *само по себе* оно не есть, а свою существенность оно имеет в чем-то другом; мышление же есть проникновение в эту природу различаемого, оно есть негативная сущность в качестве “простого”.

Следовательно, скептическое самосознание в переменчивости всего того, что хочет укрепиться для него, узнает на опыте свою собственную свободу как свободу им самим себе сообщенную и им сохраненную; оно есть для себя эта атараксия мышления о самом себе, неизменная и *подлинная достоверность себя самого*. Последняя не происходит из чего-то постороннего, что поглотило его многообразное развитие, не происходит как результат, который свое становление имел бы позади себя; а само сознание есть *абсолютный диалектический непокой*, та смесь чувственных и мысленных представлений, различия коих совпадают и коих *равенство* (ибо оно само есть *определенность* по отношению к *неравному*) в свою оче-

редь, точно так же растворяется. Но это сознание, вместо того чтобы быть равным себе самому сознанием, именно в этом на деле есть лишь просто случайный хаос, головокружительное движение беспрестанно себя порождающего беспорядка. *Оно есть этот хаос для самого себя*, ибо оно само поддерживает и производит этот движущийся хаос. Вот почему оно в этом и сознается, оно сознается, что оно есть совершенно *случайное, единичное* сознание, – сознание *эмпирическое*, ориентирующееся на то, что не имеет для него реальности, повинующееся тому, что для него не составляет сущности, делающее и претворяющее в действительность то, что не содержит для него истины. Но точно так же, как оно считает себя таким именно образом *единичной, случайной* и на деле животной жизнью и *потерянным* самосознанием, оно превращает себя, напротив, опять-таки во *всеобщее себе самому равное* [сознание]; ибо оно есть негативность всякой единичности и всякого различия. Из этого равенства себе самому или, лучше сказать, в самом этом равенстве оно опять впадает в указанную случайность и в хаос, ибо именно эта движущаяся негативность имеет дело только с единичным и возится со случайным. Это сознание, следовательно, есть бессознательная болтовня, переходящая от одной крайности – от себе самому равного самосознания – к другой крайности – к случайному, сбитому с толку и сбивающему с толку сознанию. Само оно не согласует эти две мысли о себе самом: *то* оно признает свою свободу как возвышение над всяким хаосом и всякой случайностью наличного бытия, *то* оно точно так же сознается в том, что снова впадает в *несущественность* и блуждает в ней. Оно предоставляет несущественному содержанию исчезать в его мышлении, но именно этим оно есть сознание несущественного; оно провозглашает абсолютное *исчезновение*, но это *провозглашение есть* и это сознание есть провозглашенное исчезновение: оно провозглашает ничтожество видения, слышания и т.д., а *само* оно *видит, слышит* и т.д.; оно провозглашает ничтожество нравственных существенностей – и в то же время само подчиняет свои поступки их власти. Его действия и его слова находятся всегда в противоречии друг с другом, и точно так же у него самого двойственное противоречащее сознание – сознание неизменности и равенства [с одной стороны] и полной случайности и неравенства себе [– с другой]. Но оно удерживает (*hält*) это противоречие самому себе непримиренным и держит себя (*verhält sich*) по отношению к нему так же, как и в своем чисто негативном движении вообще. Когда ему указывают на *равенство*, оно указывает на *неравенство*; а когда ему затем ставят на вид это последнее, только что им провозглашенное, оно начинает указывать на *равенство*; его пустословие есть на деле перебранка упрямых юнцов, из коих один говорит А, когда другой говорит Б, и Б, когда тот говорит А, и которые удовольствие противоречить *друг другу* приобретают ценой противоречия *с самими собой*.

В скептицизме сознание на опыте узнает себя поистине как сознание, противоречивое внутри себя самого; из этого опыта проистекает *новая формула*, сочетающая обе мысли, которые скептицизм удерживает непримиренными. Безмыслие скептицизма относительно себя самого должно исчезнуть, потому что сознание есть на деле *одно* сознание, в котором имеются оба эти модуса. Эта новая форма есть поэтому такая форма, которая *для себя* есть двойное сознание себя [с одной стороны], как сознания освобождающегося, неизменного и себе самому равного, [а с другой –] как сознания путающегося и извращающего себя, а равно и сознание этого своего противоречия. – В стоицизме самосознание есть простая свобода самого себя; в скептицизме эта свобода реализуется, уничтожает другую сторону определенного наличного бытия, но, напротив, удваивает *себя*, и есть для себя теперь нечто двойное. В силу этого удвоение, которое прежде распределялось между двумя отдельными [сознаниями] – между господином и рабом, сосредоточивается на одном; удвоении самосознания внутри себя самого, которое существенно в понятии духа, имеется, таким образом, налично, но еще не их единство, – и *несчастное сознание* есть сознание себя как двойной, лишь противоречивой сущности.

[3. *Несчастное сознание.* (Благочестивый субъектизм).] – *Это несчастное, раздвоенное внутри себя* сознание – так как это противоречие его сущности есть для себя *одно* сознание – всегда должно, следовательно, в одном сознании иметь и другое, и, таким образом, тотчас же как только оно возомнит, что оно достигло победы и покоя единства, оно из каждого сознания должно быть снова изгнано. Но его истинное возвращение в себя самого, т.е. его примирение с собой, выразит понятие духа, ставшего живым и начавшего существовать, так как этому сознанию уже присуще как одному нераздельному сознанию быть двойным сознанием: оно само *есть* устремление взора одного самосознания в другое, и оно само *есть* и то и другое самосознание, и единство обоих есть для него также сущность, но *для себя* оно еще не дано себе как сама эта сущность, еще не дано как единство обоих.

[(α). *Переменчивое сознание.*] – Так как на первых порах оно есть только *непосредственное единство* обоих, но оба для него – не одно и то же, а противоположны, то одно, а именно простое неизменное, для него есть в качестве *сущности*; другое же, сложное переменчивое – как *несущественное*. Оба для него – чуждые друг другу сущности; само оно, будучи сознанием этого противоречия, становится на сторону переменчивого сознания и есть для себя несущественное; но как сознание неизменности или простой сущности оно должно в то же время стремиться освободить себя от несущественного, т.е. от себя самого. Ибо хотя *для себя* оно, конечно, только переменчивое сознание, а неизменное для него есть нечто чуждое, тем не менее *само оно* есть простое и тем самым неизменное сознание, которое тем самым сознается им как *его* сущность, однако так, что *оно*

само для себя опять-таки не есть эта сущность. Положение, которое оно придает обоим, не может быть поэтому равнодушием их друг к другу, т.е. не может быть равнодушием его самого к неизменному, а оно непосредственно само есть и то и другое, и есть для себя *отношение* *обоих* как некоторое отношение сущности и несущности, так что эта последняя должна быть снята; но так как для него оба одинаково существенны и противоречивы, то оно есть только противоречивое движение, в котором одна противоположность не находит успокоения в другой, а вновь только порождает себя в ней как противоположность.

Таким образом, здесь имеется налицо борьба с врагом, победа над которым есть скорее поражение, достигнуть одного скорее значит потерять его в его противоположности. Сознание жизни, сознание своего наличного бытия и действия есть только скорбь об этом бытии и действии, ибо в них оно имеет только сознание своей противоположности как сущности и сознание собственного ничтожества. Возвышаясь, оно переходит отсюда к неизменному. Но само это возвышение есть это сознание; следовательно, возвышение это непосредственно есть сознание противоположного, а именно – себя самого как единичности. Неизменное, вступающее в сознание, именно благодаря этому затрагивается в то же время единичностью и только вместе с ней оно налицо; вместо того чтобы быть уничтоженной в сознании неизменного, единичность в нем постоянно только выступает.

[(β). *Форма неизменного.*] – Но в этом движении сознание испытывает именно *выступление единичности на неизменном, а неизменного – на единичности. Для сознания открывается единичность вообще* в неизменной сущности, а вместе с тем открывается и *его единичность* в нем. Ибо истина этого движения есть именно *бытие “одним”* этого двойного сознания. *Это единство открывается ему, но прежде всего* само это единство – такое, в котором еще господствует *различность* *обоих*. Поэтому для сознания имеется налицо три способа, каким единичность связана с неизменным: *во-первых*, оно само для себя снова выступает как противоположное неизменной сущности, и оно отброшено назад к началу борьбы, которая остается стихией всего отношения. *Во-вторых*, для него в самом *неизменном содержится единичность*, так что она есть форма неизменного, в которое тем самым переходит весь способ существования. *В-третьих*, сознание находит себя само как “это” единичное в неизменном. *Первое* неизменное для него – только *чуждая* сущность, осуждающая единичность; в то время как *второе*, подобно ему самому, есть *форма единичности*, оно, *в-третьих*, становится духом, испытывает радость нахождения в нем себя самого и начинает сознавать, что его единичность примирена со всеобщим.

То, что здесь выступает как модус и отношение неизменного, оказалось *опытом*, который раздвоенное самосознание совершает в

своем несчастьи. Этот опыт, правда, не есть *одностороннее* движение *самосознания*, ибо оно само есть неизменное сознание, а это последнее, следовательно, есть в то же время и единичное сознание, и движение есть в такой же мере движение неизменного сознания, выступающего в этом движении так же, как и другое; ибо это движение проходит через моменты, сводящиеся к тому, что сперва неизменное противоположено единичному вообще, затем, само будучи единичным, оно противоположено другому единичному и, наконец, составляет с ним “одно”. Но это рассмотрение, поскольку оно принадлежит нам, здесь несвоевременно, ибо доселе перед нами возникла лишь неизменность как неизменность сознания, которая вследствие этого не есть истинная неизменность, а еще обремененная противоположностью, еще не *само* неизменное в *себе и для себя*; мы не знаем поэтому, как будет вести себя это последнее. Здесь обнаружилось лишь то, что для сознания, составляющего здесь наш предмет, вышеуказанные определения оказываются присущими неизменному.

По этой причине, следовательно, и неизменное *сознание* в самом своем формообразовании сохраняет характер и основу раздвоенности и для-себя-бытия по отношению к единичному сознанию. Поэтому для последнего вообще является *событием*, что неизменное приобретает форму единичности, подобно тому, как себя единичное сознание лишь *находит* противоположным неизменному, и, следовательно, это отношение у него *от природы*. Хотя, с одной стороны, то обстоятельство, что сознание, наконец, *находит себя* в нем, порождено, как ему кажется, им самим или имеет место потому, что сознание само единично, все же другая сторона этого единства, как ему кажется, принадлежит неизменному и по своему происхождению и постольку, поскольку это единство существует, а противоположность остается в самом этом единстве. На деле благодаря тому, что неизменное приобретает *внешний облик* момент потустороннего не только остался, но еще больше укрепился; ибо если, с одной стороны, благодаря виду, который принимает единичная действительность, неизменное как будто приблизилось к сознанию, то, с другой стороны, оно противостоит отныне сознанию как некое непрозрачное чувственное “одно” со всей хрупкостью того, что *действительно*; надежда слиться с ним в одно должна оставаться надеждой, т.е. должна остаться не осуществленной и не претворенной в действительность: ибо между надеждой и осуществлением стоит не что иное, как абсолютная случайность или неподвижное равнодушие, которое содержится в самом приобретении внешнего облика, в том, что обосновывает надежду. Благодаря природе *сущего “одного”*, благодаря действительности, в которую оно облечено, необходимо получается, что оно исчезло во времени, было в пространстве и вдали и остается просто вдали.

[(γ). *Соединение действительного и самосознания.*] – Если на первых порах голое понятие раздвоенного сознания определяло себя

так, что это сознание стремится к снятию себя как единичного [сознания] и к превращению в неизменное сознание, то теперь определение его стремления состоит в том, что оно, напротив, снимает свое отношение к чистому *не имеющему внешнего облика* неизменному и завязывает только отношение с *неизменным, приобретшим внешний облик*. Ибо бытие “одним” единичного [сознания] с неизменным отныне для сознания есть *сущность и предмет*, подобно тому как в понятии существенным предметом было только лишенное внешнего облика абстрактное неизменное; и отношение этой абсолютной раздвоенности понятия есть теперь то отношение, от которого оно должно отвернуться. Но внешнее на первых порах отношение к получившему внешний отлик неизменному как некоторому чуждому действительному оно должно возвысить до абсолютного становления “одним”.

Движение, в котором несущественное сознание стремится достигнуть этого бытия “одним”, само есть *тройное* движение, сообразно тройному отношению, которое у него будет к своему получившему внешний облик потустороннему: во-первых, как *чистое сознание*, во-вторых, как *единичная сущность*, которая относится к *действительности* как вожелание и труд, и, в-третьих, как *сознание своего для-себя-бытия*. – Посмотрим, в каком виде имеются налицо и как определяются эти три модуса его бытия в этом общем отношении.

[*(αα)*. *Чистое сознание, настроение, благоговение.*] – Итак, прежде всего, если его рассматривать как *чистое сознание*, то, по-видимому, получивший внешний облик неизменный, поскольку он есть для чистого сознания, устанавливается так, как он есть в себе самом и для себя самого. Но как он есть в себе самом и для себя самого – это, как уже упомянуто, еще не возникло. Чтобы он мог быть в сознании, как он есть в себе самом и для себя самого, – это должно было бы, конечно, скорее исходить от него, чем от сознания; иначе он здесь лишь односторонне наличествует через сознание и именно поэтому – не совершенно и не подлинно, его наличие еще отягощено несовершенством или некоторой противоположностью.

Но хотя, таким образом, у несчастного сознания нет этого наличия, тем не менее это сознание выходит в то же время за пределы чистого мышления, поскольку последнее есть абстрактное, *отвращающее свой взор* от единичности мышление стоицизма и лишь *неспокойное* мышление скептицизма (на деле лишь единичность как бессознательное противоречие и его беспрестанное движение), – оно выходит за пределы того и другого, оно сочетает и удерживает вместе чистое мышление и единичность, но оно еще не возвысилось до того мышления, *для которого* единичность сознания примирена с самым чистым мышлением. Оно, напротив, занимает то среднее место, где абстрактное мышление соприкасается с единичностью сознания как единичностью. Оно само *есть* это соприкосновение; оно есть единство чистого мышления и единичности: оно есть *для себя* и эта

мыслящая единичность или чистое мышление, и неизменное по существу само есть для него в качестве единичности. Но для него не дано то, что этот его предмет, неизменное, которое имеет для него по существу образ единичности, *есть оно само*, – оно само, которое есть единичность сознания.

Вот почему в этом первом модусе, в котором мы рассматриваем его как *чистое сознание*, оно *относится к своему предмету*, не мысля, а (так как оно само в себе есть, правда, чистая мыслящая единичность и его предмет – тоже, но не *само их взаимное отношение* есть *чистое мышление*) (geht... an das Denken hin) и есть *благоговение* (Andacht). Его мышление как благоговение остается диссонирующим перезвоном колоколов или теплыми клубами тумана, музыкальным мышлением, не доходящим до понятия, которое было бы единственным имманентным предметным модусом. Оно, конечно, становится для этого бесконечно чистого внутреннего чувствования его предметом, но столь приблизительно (so eintretend), что он вступает (eintritt) не как постигнутый в понятии предмет, а потому – как нечто чуждое. Благодаря этому здесь налицо внутреннее движение *чистого* настроения, которое *чувствует* себя само, но мучительно чувствует как раздвоение – движение бесконечной *тоски*, которая обладает уверенностью, что ее сущность есть такое чистое настроение, чистое мышление, которое *мыслит* себя как *единичность*, что она познается и признается этим предметом именно потому, что он мыслит себя как единичность. Но в то же время эта сущность есть недостижимое *потустороннее*, которое, как только улавливается, ускользает или, лучше сказать, уже ускользнуло. Оно уже ускользнуло, ибо, с одной стороны, оно есть неизменное, которое мыслит себя как единичность, и сознание поэтому непосредственно достигает в нем себя самого, – *себя самого*, но как то, что *противоположно неизменному*; вместо того чтобы уловить сущность, оно только *чувствует* ее и возвращено в себя; лишенное возможности в стремлении достигнуть этого удержать себя как это противоположное, оно, вместо того чтобы уловить сущность, уловило только несущественность. Подобно тому, как, с одной стороны, оно, стремясь достигнуть *себя в сущности*, улавливает только собственную отделенную действительность, так, с другой стороны, оно не может уловить “иное” как *единичное* или как *действительное*. Там, где его ищут, оно не может быть найдено; ибо оно должно быть именно чем-то *потусторонним*, таким, которое не может быть найдено. Если его ищут как единичное, то оно есть некая-либо *всеобщая*, мысленная *единичность*, не понятие, а *единичное* как предмет, или *нечто действительное*, предмет непосредственной чувственной достоверности, и именно в силу этого лишь такое единичное, которое исчезло. Поэтому сознание может обрести в наличии лишь *могилу* своей жизни. Но так как сама могила есть *действительность*, а природе действительности противоре-

чит предоставление длительного обладания [ею], то и эта наличность гроба есть только стоящая многих усилий борьба, которая должна быть проиграна. Но узнав на опыте, что *гроб его действительной неизменной сущности не обладает никакой действительностью*, что *исчезнувшая единичность*, раз она исчезла, не есть истинная единичность, оно откажется отыскивать неизменную единичность как *действительную* или держаться за нее как за исчезнувшую, и только благодаря этому оно способно найти единичность как подлинную или как всеобщую.

[(ββ) *Единичная сущность и действительность. Деяния благочестивого сознания.*] – Но прежде всего надо понимать *возвращение настроения в себя само* в том смысле, что настроение в отношении себя обладает *действительностью* как *то, что единично*. Оно есть *чистое настроение*, которое есть *для нас* или *в себе*, себя нашло и насыщено внутри себя, ибо хотя *для него* в его чувстве сущность отделяется от него, тем не менее в себе это чувство есть *чувствование себя*, оно почувствовало предмет своего чистого чувствования, и этот предмет есть оно само; отсюда оно выступает, стало быть, как чувствование себя или как для себя сущее действительное. В этом возвращении в себя для нас обнаружилось его *второе отношение* – отношение вожделения и труда, который путем снятия чужой сущности и пользования ею, а именно в форме самостоятельных вещей, подтверждает сознанию внутреннюю достигнутую им для нас достоверность его самого. Но несчастное сознание *находит* себя только *вожделирующим и работающим*; для него еще не очевидно, что в основе того, что оно находит себя таковым, лежит внутренняя достоверность его и что его чувство сущности есть это чувствование себя. Так как оно не обладает этой достоверностью *для себя самого*, его “внутреннее”, напротив, остается еще подорванной достоверностью себя самого; подтверждение, которое оно могло бы получить в труде и потреблении, есть поэтому именно такое *подорванное* подтверждение; или, лучше сказать, оно само должно уничтожить в отношении себя это подтверждение, так что оно, конечно, находит в нем *подтверждение*, но только подтверждение того, что есть оно для себя, т.е. подтверждение своего раздвоения.

Действительность, на которую направлены вожделение и труд, уже не есть для этого сознания нечто *в себе ничтожное*, подлежащее с его стороны лишь снятию и поглощению, а есть нечто такое, как оно само, – *разорванная действительность*, которая ничтожна в себе лишь с одной стороны, а с другой стороны есть также освященный мир; она есть образ неизменного, ибо последнее сохранило единичность в себе, и так как оно, будучи неизменным, есть всеобщее, то его единичность вообще имеет значение всякой действительности.

Если бы сознание для себя было самостоятельным сознанием, а действительность в себе и для себя была для него ничтожна, то в труде и в потреблении оно дошло бы до чувства своей самостоятельнос-

ти благодаря тому, что оно само было бы тем, что снимало бы действительность. Но так как последняя есть для него образ неизменно, оно не в состоянии снять ее собою. А так как оно все же доходит до уничтожения действительности и до потребления, то совершается для него это по существу благодаря тому, что неизменное само *оставляет* свой образ и *предоставляет* его сознанию для потребления. – Сознание, с своей стороны, *равным образом* выступает тут как то, что действительно, но точно так же внутренне подорванным, и это раздвоение в процессе его труда и потребления проявляется в том, что оно разрывается на *отношение к действительности* или *для-себя-бытие* и на *в-себе-бытие*. Это отношение к действительности есть *процесс изменения* или *действие*, для-себя-бытие, которое принадлежит *единичному* сознанию как таковому. Но здесь оно есть также и *в себе*: эта сторона принадлежит неизменному потустороннему; эта сторона – способности и силы, чужой дар, который неизменное точно так же предоставляет сознанию для употребления.

В своем действовании сознание поэтому прежде всего находится в отношении двух крайностей: как деятельное посягающее оно стоит по одну сторону, и ему противостоит пассивная действительность, обе – в соотношении друг с другом, но обе также возвращенные в неизменное и упорствующие в себе. С обеих сторон поэтому друг другу навстречу отделяется только поверхность, которая вступает в игру движения с другой. – Одна крайность – действительность – снимается деятельной крайностью; но действительность с своей стороны может быть снята только потому, что ее неизменная сущность сама снимает ее, отталкивается от себя и оставляет отталкиваемое деятельности. Деятельная сила предстает как *мощь*, в которой растворяется действительность; но поэтому для этого сознания, для которого *в-себе*[-бытие] или сущность есть нечто другое по отношению к нему, эта мощь, в качестве каковой сознание выступает в деятельности, есть потустороннее его самого. Следовательно, вместо того чтобы из своего действия вернуться в себя и утвердиться в себе для себя самого, оно, напротив, рефлектирует это движение действия обратно в другую крайность, которая вследствие этого изображается как совершенно всеобщее, как абсолютная мощь, от которой во все стороны исходит движение и которая есть сущность как разлагающихся крайностей в том виде, в каком они выступали сначала, так и самой смены.

За то, что неизменное сознание *отрекается* от своей формы и *оставляет* ее, а единичное сознание, напротив, воздает *благодарностью*, т.е. *отказывает* себе в удовлетворении сознания своей *самостоятельности* и, слагая с себя, передает сущность действия потустороннему, – благодаря обоим этим моментам *взаимного отказа* от себя обеих частей возникает, конечно, тем самым для сознания его *единство* с неизменным. Но в то же время это единство поражено разделением, опять подорвано внутри себя, и из него опять высту-

пает противоположность всеобщего и единичного. Ибо сознание хотя и отказывается для *видимости* от удовлетворения своего чувствования себя, но добивается *действительного* удовлетворения его, ибо оно *было* вожделением, трудом и потреблением; как сознание оно хотело, действовало и потребляло. Само его *изъявление благодарности*, в котором оно признает другую крайность сущностью и снимает себя, точно так же есть *его собственное* действие, которое возмещает действие другой крайности и жертвующему собой благодеянию (*Wohltat*) противопоставляет *равные* деяния (*Tun*); если названная крайность предоставляет ему свою *поверхность*, сознание *все-таки* выражает благодарность и, отказываясь от своего действия, т.е. от самой своей *сущности*, совершает этим, собственно говоря, большее деяние, чем другая [крайность], которая лишь отталкивает от себя поверхностное. Все движение, следовательно, рефлектируется в *крайность единичности* не только в действительном вожделении, в процессе труда и потреблении, но даже в благодарении, в котором как будто совершается противоположное [этому]. Сознание чувствует себя тут в качестве этого единичного и не обманывается видимостью своего отречения, ибо истина его состоит в том, что от себя оно не отказалось, а произошла лишь двойная рефлексия в обе крайности, и в результате – повторное расщепление на противоположное сознание *неизменного* и на сознание *противостоящего* хотения, совершения, потребления и самого самоотречения, или сознания *для-себя-сущей единичности* вообще.

[(γγ). *Самосознание на пути к разуму. (Самоумерщвление).*] – Тем самым наступило *третье отношение* движения этого сознания, выступающее из второго как такое отношение, которое своим хотением и совершением поистине испытало себя в [своей] самостоятельности. В первом отношении оно было только *понятием* действительного сознания или *внутренним настроением*, которое в действовании и потреблении еще не действительно; *второе* отношение есть это претворение в действительность как внешне выраженное действие и потребление; но возвратившись из этого отношения, оно оказывается таким, которое *на опыте* узнает себя действительным и действующим сознанием, или таким, для которого *истинно* то, что оно есть *в себе и для себя*. Но теперь тут найдет враг в наиболее свойственном ему облици. В борьбе настроения единичное сознание выступает лишь как музыкальный, абстрактный момент; в труде и потреблении как реализации этого лишенного сущности бытия оно может непосредственно забыть о *себе*, и сознательная самобытность в этой действительности подавляется благодарным признанием. Но это подавление поистине есть возвращение сознания в себя само, а именно в себя как в подлинную для него действительность.

Это третье отношение, в котором эта подлинная действительность составляет одну из крайностей, есть *соотношение* ее со всеоб-

щей сущностью как ничтожеством; а движение этого соотношения нам еще нужно рассмотреть.

Что касается прежде всего противоположного отношения сознания, в котором его *реальность* для него *непосредственно* есть “*ничтожное*”, то его действительное действие, стало быть, превращается в действие, исходящее от “ничто” (Tun von Nichts), его наслаждение – в чувство его несчастья. Тем самым действие и наслаждение теряют всякое *всеобщее содержание и значение*, – ибо, обладая ими, они обладали бы в-себе-бытием и для-себя-бытием, – и то и другое отступают в единичность, на которую сознание направлено с тем, чтобы снять ее. Себя как “*это*” *действительное единичное* сознание сознает в животных функциях. Последние, вместо того чтобы просто выполняться как нечто, что в себе и для себя ничтожно и не может приобрести важности и существенности для духа, составляют, напротив, предмет серьезных усилий и становятся прямо-таки самым важным делом, поскольку именно в них и обнаруживается враг в своем специфическом облике. Но так как этот враг, терпя поражение, возрождается, а сознание, поскольку оно сосредоточивает свое внимание на нем, вместо того чтобы освободиться от него, напротив того, всегда пребывает при этом и всегда видит себя оскверненным и так как вместе с тем это содержание, на которое направлены его усилия, есть не существенное, а самое низкое, не всеобщее, а самое единичное, то мы видим только некую ограниченную собой и своим мелким действием, себя самое высиживающую, столь же несчастную, сколь скудную личность.

Но и с тем и с другим – с чувством его несчастья и со скудостью его действия – точно так же связывается сознание его единства с неизменным. Ибо попытки непосредственного уничтожения его действительного бытия *опосредствованы* мыслью о неизменном и предпринимаются в этом *соотношении*. *Опосредствованное* соотношение составляет сущность негативного движения, в котором это сознание направляется против своей единичности, но которое, как *соотношение в себе*, столь же положительно, и произведет это *единство* сознания для него самого.

Это опосредствованное соотношение есть, таким образом, некоторое умозаключение, в котором единичность, которая сначала фиксирует себя в противоположность *в-себе*[-бытия], связана с этим другим крайним термином только через посредство некоторого третьего. Через посредство этого среднего термина крайний термин – неизменное сознание – существует для несущественного сознания, в котором в то же время заключается и то, что оно точно так же существует для названного крайнего термина только через посредство этого среднего термина, и этот средний термин, следовательно, таков, что представляет друг для друга оба крайних термина и состоит обоюдным слугой каждого из них при другом. Этот средний термин сам есть сознательная сущность, ибо он есть действие, которое

опосредствует сознание как таковое; содержание этого действия есть уничтожение, которому сознание подвергает свою единичность.

Итак, в этом среднем термине сознание освобождается от действия и потребления как *своего* действия и потребления; оно отталкивает от себя как от *для-себя-сущей* крайности сущность своей *воли* и сваливает на средний термин, или на слугу, самобытность и свободу решения, а тем самым и *вину* своего действия. Этот посредник, как находящийся в непосредственном отношении с неизменной сущностью, служит своим *советом* в вопросах правды. Поступок, поскольку он есть исполнение чужого решения, со стороны действия или *воли* перестает быть собственным поступком. Но на долю несущественного сознания остается еще *предметная* сторона поступка, а именно *плод* его труда и *потребление*. Их, стало быть, оно точно так же отталкивает от себя и отказывается как от своей воли, так и от своей *действительности*, содержащейся в труде и потреблении; отказывается от нее, *во-первых*, как от достигнутой истины своей *самостоятельности*, обладающей самосознанием, поскольку оно движется, представляя и произнося нечто совершенно чуждое, лишенное для него смысла; *во-вторых*, отказывается от нее как от *внешней собственности*, уступая что-то из имущества, приобретенного трудом; *в-третьих*, отказывается от полученного наслаждения, опять-таки полностью лишая себя его в постах и в умерщвлении плоти.

Благодаря этим моментам отказа от собственного решения, затем от собственности и наслаждения и, наконец, благодаря положительному моменту занятия непонятным делом оно поистине и полностью отнимает у себя сознание внутренней и внешней свободы, [сознание] действительности как своего *для-себя-бытия*; оно уверено, что оно поистине отреклось от своего “я” и превратило свое непосредственное самосознание в некоторую *вещь*, в предметное бытие. – Отказ от себя оно могло подтвердить только этим *действительным* пожертвованием; ибо только в последнем исчезает *обман*, который содержится во *внутреннем* признании благодарности сердцем, образом мысли и устами, в признании, которое хотя и отклоняет от себя всю силу *для-себя-бытия* и приписывает ее дару свыше, но самим этим отклонением оно сохраняет за собой *внешнюю* самобытность в имуществе, от которого оно не отказывается, *внутреннюю* же – в сознании решения, которое оно само принимает, и в сознании своего определяемого им содержания, которое оно не обменяло на чуждое содержание, бессмысленно наполняющее его.

Но в действительности совершенном пожертвовании его оставило в себе и его *несчастье*, подобно тому как сознание сняло *действие* как свое действие. То обстоятельство, что это оставление совершилось *в себе*, есть, однако, некоторое действие другого крайнего термина заключения, который есть *в-себе-сущая* сущность. Но названное пожертвование несущественного крайнего термина не

было в то же время односторонним действом, а содержало в себе действие другого [крайнего термина]. Ибо отказ от собственной воли негативен только с одной стороны, по *своему понятию* или *в себе*, но в то же время он положителен, а именно он есть утверждение воли как некоторого “*иного*”, и – определенно – воли как чего-то не единичного, а всеобщего. Это положительное значение негативно установленной единичной воли есть для этого сознания воля другого крайнего термина, которая открывается ему – именно потому, что она есть для него “*иное*”, – не сама собой, а благодаря третьему – посреднику, – открывается в виде совета. Поэтому *для него* его воля, конечно, становится всеобщей и *в себе* сущей волей, но *оно само* не есть для себя это “*в себе*”; отказ от своей воли как *единичной* не есть для него, согласно понятию, “положительное” всеобщей воли. Точно так же его отказ от имущества и потребления имеет лишь это же негативное значение, и всеобщее, которое ему благодаря этому открывается, не есть для него его *собственное действие*. Подобно тому как это *единство* предметного и для-себя-бытия, заключающееся в *понятии* действия и поэтому обнаруживающееся сознанию в качестве сущности и *предмета*, – подобно тому как это единство не есть для него понятие его действия, точно так же ему не дано непосредственно и через него самого, что это единство возникает как предмет *для него*; оно предоставляет служителю – посреднику – провозгласить ему ту же даже еще подорванную достоверность, что лишь *в себе* его несчастье есть обратное [себе], т.е. оно есть действие, которое находит себе удовлетворение в своем действии, или оно есть блаженное наслаждение; что его скудное действие точно так же *в себе* есть обратное, т.е. абсолютное действие; что, согласно понятию, действие только как действие единичного есть вообще действие. Но *для него* самого действие и его действительное действие остается скудным действием, его наслаждение – скорбью, а снятость их в положительном значении – чем-то *потусторонним*. Но в этом предмете, в котором для него действие и бытие его как “этого” *единичного* сознания есть бытие и действие *в себе*, для него возникло представление *о разуме*, о достоверности сознания, достоверности того, что в своей единичности оно есть абсолютно *в себе* или есть вся реальность.